

К. Г. ПАУСТОВСКИЙ

ЗОЛОТАЯ
РОЗА

Константин Георгиевич Паустовский

Воронежское лето

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159419

К. Паустовский «Избранное»: Радянська школа; Киев; 1984

Константин Паустовский

Воронежское лето

Заповедный лес на реке Усмани под Воронежем – последний на границе донских степей. Он слабо шумит, прохладный, в запахе трав, не стоит выйти на опушку – и в лицо ударит жаром, резким светом, и до самого края земли откроется степь, далекая и ветреная, как море.

Откроются ветряки, что машут крыльями на курганах, коршуны и острова старых усадебных садов, раскинутые в отдалении друг от друга.

Но прежде всего откроется небо – высокое степное небо с громадами синеватых облаков. Их много, но они почти никогда не закрывают солнца. Тень от них изредка проплывает то тут, то там по степи. Проплывает так медленно, что можно долго идти в этой тени, не отставая от нее и прячась от палящего солнца.

В степи, недалеко от старого липового парка, поблескивает в отлогой балке маленькая река Каменка. Она почти пересохла. Только в небольших бочагах налита чистая прогретая вода. По ней шныряют водяные пауки, а на берегах сидят и тяжело дышат – никак не могут отдышаться от сухой жары – сонные лягушки.

Липовый парк, изрытый блиндажами – разрушенными и заросшими дикой малиной, – слышен издалека. С рассвета

до темноты он свистит, щелкает и звенит от множества синиц, щеглов, малиновок, иволг и чижей. Птичья суতোлка никогда не затихает в кущах лип – таких высоких, что от взгляда на них может закружиться голова.

У подножья деревьев прячется в тени маленький белый дом. Он некогда принадлежал ныне почти забытому писателю Эртелю, современнику Чехова. Сейчас здесь небольшой дом отдыха.

С птицами в парке у меня были свои счеты. Часто по ранним утрам я уходил на Каменку ловить рыбу. Как только я выходил в парк, сотни птиц начинали суетиться в ветвях. Они старались спрятаться и обдавали меня дождем росы. Они с треском вылетали из зарослей, будто выныривали из воды, и опрометью неслись в глубину парка.

Должно быть, это красивое зрелище, но я промокал от росы и не очень им любовался. Я старался идти тихо, бесшумно, но это не помогало. Чем незаметнее я подходил к какому-нибудь кусту, переполненному птицами, тем сильнее был переполох и тем обильнее летела на меня холодная роса.

Я приходил на Каменку. Подымалось солнце. Блестела пустынная росистая степь. Вокруг не было ни души. Даже самый зоркий глаз не мог бы заметить никаких признаков человека. Но стоило мне закинуть удочки, как тотчас из балки появлялись босые мальчишки.

Они подходили сзади, но так осторожно, что я иногда узнавал об их появлении только по сосредоточенному соп-

нию у себя за спиной.

Мальчишки молчали, сопели и не отрываясь смотрели на красные поплавки. Изредка кто-нибудь из них чесал одной ногой другую.

По старому опыту я знал, что при таких обстоятельствах рыба перестанет клевать. Это было необъяснимо, но верно. Стоило даже одному мальчишке остановиться за спиной и уставиться на поплавок, как клев начисто прекращался.

Сначала я решил откупиться от мальчишек. Я раздал каждому из них по золоченому крючку, но с тем, что они уйдут и не будут мешать мне удить.

Мальчишки взяли крючки, поблагодарили шепотом и честно ушли. Но через полчаса появилась толпа совершенно новых мальчишек. Уже издали они кричали:

– Дяденька, дай крючка!

Я понял, что совершил грубейшую ошибку.

Нужно было найти верное средство, чтобы избавиться от мальчишек. Тогда я вспомнил слова писателя Гайдара. Он уверял меня, что на детей сильнее всего действуют загадочные разговоры.

И вот, когда на следующий день мальчишки окружили меня, начали сопеть и рыба снова перестала клевать, я сказал мрачным голосом, не оглядываясь:

– А вы знаете, ребята, что за это полагается штраф в сто рублей?

– За что? – неуверенно спросил самый шустрый мальчик.

– А вот за это самое, – ответил я.

Мальчишки переглянулись и, не спуская с меня глаз, начали медленно и осторожно пятиться. Так, пятясь, они прошли шагов тридцать, потом сразу повернулись и бросились врассыпную в степь. Самый маленький бежал сзади, спотыкался, потом вдруг заревел басом. Какой-то шустрый мальчишка схватил его за руку, шлепнул и поволок за собой. Мальчишки исчезли.

Я сам не меньше мальчишек был поражен тем, что случилось. Я засмеялся. В ответ за кустом лозняка кто-то хихикнул.

Я заглянул за куст. Там, уткнувшись лицом в траву, лежали и тряслись от смеха два белобрысых мальчика с длинными веревочными кнутами.

– А вы чего остались?

– Нам нельзя, – сказал мальчик постарше. – Мы пастухи. У нас стадо тут, за бугром.

– А если бы не было стада? Мальчишка, ухмыляясь, встал.

– Не! – сказал он. – Все одно мы бы не убегли. Мы большие. А те – махонькие. Что им ни посули – они всему верят. Теперь забоялись, долго не прибегут.

Так началась моя дружба с пастухами Витей и Федей. И начались необыкновенные наши разговоры.

– Вы кто? Писатель? – спросил меня сразу же Федя. – Да, писатель.

– А вы давно заступили в писатели?

– Давно.

– Что-то не видно, – сказал Федя и подозрительно посмотрел на меня.

– Почему это не видно?

– Рыба клюет, а я гляжу, вы все зеваете.

– Что-то ты путаешь, – сказал я. – Рыба здесь ни при чем.

– Ну да, – обиженно заметил Федя. – Как это так ни при чем!

Тогда в разговор вмешался младший пастушок Витя.

– Запрошное лето, – сказал он, торопясь и захлебываясь, – тут два писателя тоже рыбу ловили. Дядя Жора и дядя Саша. Так дядя Саша ка-ак закинет удочку, ка-ак у него возьмет, ка-ак он дерганет, ка-ак вытащит – вот такого окуня! В локоть! Раз за разом! А дядя Жора – так тот не мог. У дяди Жоры не получалось. Сидит-сидит весь день и выта щиг плотвичку. Худую, мореную.

– Тоже лезешь! – сердито сказал Федя. – Дурной совсем. Так ведь дядя Жора вовсе не был писателем. Понятно? А дядя Саша – так тот писатель. Он двадцать книг написал.

Тогда я наконец понял. В представлении Феди настоящий писатель был существом легендарным, безусловно талантливым во всех областях жизни, был своего рода волшебным мастером «золотые руки». Он должен был все знать, все видеть, все понимать и все великолепно делать.

Мне не хотелось разрушать эту наивную веру маленького деревенского пастуха. Может быть, потому, что за наив-

ностью этой скрывалась настоящая правда о подлинном писательском мастерстве, – та правда, о какой мы зачастую не помним и к осуществлению которой не всегда стремимся. Почему-то стало стыдно. И даже в малом деле – в рыбной ловле – я с тех пор поклялся себе не прозевать ни одной поклевки, особенно при Феде. Это уже как будто становилось делом чести. Сейчас, в Москве, это кажется мне немного смешным, – то, что я думал тогда, на Каменке, но я не мог допустить мысли, что Федя кому-нибудь скажет.

– Дядя Костя? Да какой же он писатель! Он подсекать не умеет. У него рыба все время срывается.

С тех пор при встречах с Федей я всегда был настороже. Ему нужно было все знать. Он задавал мне множество вопросов. И не на все его вопросы я мог ответить.

Как все пастухи, Федя хорошо знал всякие травы, цветы, растения и любил о них говорить. Я тоже кое-что знал о растениях, но здесь, под Воронежем, было много таких трав и цветов, какие не встречались у нас, в более северной полосе России. Поэтому я был очень доволен, что захватил с собой из Москвы определитель растений.

Я приносил из степи, с берегов Усмани, из заповедного леса охапки разных цветов и трав и определял их. Так постепенно благодаря Феде я погрузился в заманчивый мир разнообразных листьев, венчиков, лепестков, тычинок, колосьев, в мир растительных запахов и чистых красок. Моя комната стала похожа на жилище деревенского знахаря. Связки су-

хой травы висели на стенах, и лекарственный дух степных растений так прочно поселился в ней, что его не мог вытеснить даже запах отцветающих за окнами лип.

И вот наконец наступил час моего торжества.

По берегу Каменки цвели крупные цветы топтуна. Они были похожи на маленькие белые звезды.

Однажды я пришел на Каменку на рассвете. Тотчас появился и Федя. Он подсел ко мне, достал из кармана хлеб, начал жевать его и спрашивать меня о всяких обстоятельствах жизни.

Небо было закрыто мглой. В серой воде неподвижно стояли яркие поплавки. Рыба клевала плохо.

Я взглянул на цветы топтуна у своих ног и заметил, что все они закрылись.

– Будет дождь, – сказал я Феде.

– Откуда вы знаете?

– По цветам.

Я показал ему на закрытые цветы. Федя наморщил лоб и долго думал.

– А зачем они перед дождем закрываются?

– Чтобы дождь не сбивал пыльцу.

Я начал рассказывать ему о пыльце, об опылении, о том, что по цветам можно определить время дня. Пока я рассказывал, у меня клюнула плотва, но я прозевал. Федя даже не заметил этого. Он был взволнован моим рассказом.

– Откуда вы все это взяли? – спросил он. – Из школы?

– Из книг.

– Ну, если бы я так-то знал... – протянул Федя и замолчал.

– Что ж? Перестал бы пасти коров? Уехал бы в Воронеж?

– Не! – сказал Федя. – Я здешний. Мне тут привольно. Вы-

расту боль шой, сделаюсь председателем колхоза вместо Силантия Петровича, заведу у себя в деревне парники, цветы. Чего-чего я тут не напридумаю. Медовую фабрику открою.

Одинокая капля дождя отвесно упала в воду. От нее пошли тонкие круги. Потом сразу вокруг нас зашевелилась, зашептала трава, вся вода покрылась маленькими кругами, и слабый, но внятный звон поплыл над омутом. Шел тихий теплый дождь.

Далеко в разрывы мягких туч светило широкими лучами солнце, и степь дымилась и блестела. Сильнее запахла трава, хлеба и земля. Из-за бугра потянуло парным молоком, – там паслось стадо.

– Гляньте, – сказал мне Федя, – так это же стеклянная трава! Ворсистые стебли топтуна были сплошь покрыты каплями дождя. И все

это маленькое растение так сверкало у наших ног, будто оно было действительно сделано из хрусталя.

Спрятаться от дождя было негде, и мы сидели, накинув на головы Фсдин ватник.

– Доброе лето! – серьезно сказал Федя.

Эти слова он, должно быть, слышал от кого-нибудь из деревенских стариков. Лето было действительно полно неуло-

вимой доброты – и в легком шуме дождей, и в запахе зреющей пшеницы – предвестнике урожая.